

Научная статья / Article

УДК 130.2/930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-107>

Варварство как «шаблон» инаковости в контексте культурной эволюции древних греков

Юлия Сергеевна Обидина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
<http://orcid.org/ORCID:0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория варварства как шаблон для описания коренных народов, с которыми греки столкнулись во время колонизации. Отмечается, что варварская культура включалась древними греками в построение собственной культурной традиции, а варвар стал зеркалом собственного «я». Цель статьи — показать, что устойчивая дихотомия «грек/варвар» не отвечает реалиям того, как греки осознавали себя и окружающие их культуры, а представляет собой удобный шаблон в рамках структуралистских бинарных оппозиций. Эмпирической основой исследования стали данные Геродота о различных народах, описанных в его «Истории». В качестве методологической основы исследования выступает трихотомия Аристотеля, иллюстрирующая его взгляды на человека как продукт полиса, изложенные в «Политике». Это позволило рассмотреть традиционную проблему взаимоотношений между греками и варварами с позиций философской антропологии, то есть не с точки зрения социальных структур, порождающих инаковость, а с точки зрения человека, помещенного в контекст культурных взаимоотношений с другим, иным. Данный подход представляет варваров не как других, а как этап собственной культурной (мифологической) истории греков, что лишает идеологию инаковости характеристик социально-го / культурного / этнического превосходства. Особое внимание уделено тому, что варвар воплощал в себе греческие представления о культурной эволюции и собственное мифическое прошлое греков. В варварских землях звероподобные и богоподобные варвары символизировали прошедшие этапы мифологического этногенеза эллинов, описанного Гесиодом. В заключении сделан вывод о том, что в результате взаимодействия греков с другими культурами возникли многовариантные модели варварства — общее ощущение инаковости других культур, но инаковости более подвижной,

чем она представляется в бинарной структуралистской оппозиции «мы/они».

Ключевые слова: идеология инаковости, греки, варвары, другой, цивилизация, полис, варварство

Для цитирования: Обидина Ю. С. Варварство как «шаблон» инаковости в контексте культурной эволюции древних греков // Человек. Культура. Образование. 2023. № 2. С. 107–125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-107>

Barbarism as a "Pattern" of Otherness in the Context of the Cultural Evolution of the Ancient Greeks

Yulia S. Obidina

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Russia,
<http://orcid.org/ORCID:0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

Abstract. *The article considers the category of barbarism as a template for describing the indigenous peoples that the Greeks encountered during colonization. It is noted that the ancient Greeks included the barbarian culture in building their own cultural tradition, and the barbarian became a mirror of his own "I". The purpose of the article is to show that the stable Greek/Barbarian dichotomy does not correspond to the realities of how the Greeks understood themselves and the cultures around them, but is a convenient template within the framework of structuralist binary oppositions. The empirical basis of the study was Herodotus's data on the various peoples described in his "History". Aristotle's trichotomy serves as a methodological basis for the study, illustrating his views on a person as a product of the policy, as set out in Politics. This made it possible to consider the traditional problem of the relationship between Greeks and barbarians from the standpoint of philosophical anthropology, that is, not from the point of view of social structures that give rise to otherness, but from the point of view of a person placed in the context of cultural relationships with another, other. This approach considers the barbarians not as others, but as a stage in their own cultural (mythological) history of the Greeks, which deprives the ideology of otherness of the characteristics of social/cultural/ethnic superiority. Particular attention is paid to the fact that the barbarian embodied Greek ideas about cultural evolution and the Greeks' own mythical past. In the barbarian lands, animal-like and god-like barbarians symbolized the past stages of the mythological ethnogenesis of the Hellenes, described by Hesiod. It is concluded that as a result of interaction of the Greeks with other cultures, multivariate models of barbarism arose — a general feeling of the otherness in other cultures, but the otherness is more mobile than it appears in the binary structuralist opposition we/they.*

Keywords: *ideology of otherness, Greeks, barbarians, other, civilization, polis, barbarity*

For citation: Obidina Yu. S. Barbarism as a "Pattern" of Otherness in the Context of the Cultural Evolution of the Ancient Greeks. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 2: 107–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-107>

Введение. Древние греки понимали мир с точки зрения греков или «эллинов» (*Ἕλληνες*) и варваров (*βάρβαρος*). Понятие «варвар» возникло в эллинском сознании как символическая характеристика первобытного человека, равно как беззаконного, так и добродетельного, а также как шаблон для описания с точки зрения инаковости реальных групп, с которыми греки столкнулись в сфере культурных контактов. Греки рассматривали коренные народы на своих границах как напоминание об их собственном мифическом прошлом, и, следовательно, повествование об эллинском происхождении включало варварскую культуру в построение своей собственной традиции. Варвар стал антитезой греческого «я» и изначальной тенью культурной эволюции в эллинском понимании.

«Варвар» обозначает инаковость, группу, находящуюся за пределами культурных границ другой группы, то есть дихотомию «мы/они». Это межкультурная универсалия, из которой возникает сама культура. Можно даже сказать, что человеческой природе свойственно отделять свою группу от других групп, так как это корень моделей родства. Проблема создания инаковости связана с политикой культуры, поскольку человеческое поведение универсально. Р. Фейнберг считает, что «когда люди из разных сообществ вступают в контакт, они неизбежно создают образы друг друга и передают эти изображения другим членам их собственных сообществ» [1, р. 25]. Это конкретный контекст каждой дихотомии «мы/они», которая обозначает природу отношений между ними. Категория «они» всегда «другая» с точки зрения первого лица, хотя это и не обязательно означает, что одна группа имеет преимущество над другой. Клод Леви-Стросс утверждает, что «мы/они» — это базовая структура человеческого разума, и все остальное (то есть культура) строится вокруг нее в соответствии с контекстом, в котором самость находит себя [2]. Мартин Хайдеггер сделал по-

добное утверждение относительно актуализации самости как чего-то иного, «здесь-бытия» или *dasein*. В центре внимания Хайдеггера было «Я-как-бытие», а все остальное было «иным» [3]. Таким образом, структура «мы / они» олицетворяет работу человеческого разума, но впоследствии актуализируется в контексте отношений, которые могут принимать любое количество поверхностных форм в межкультурном контексте.

Дихотомия влияет на межгрупповые отношения и зависит от них. В случае с варварами греки, а за ними римляне сконструировали эту категорию инаковости как находящуюся вне культурно сконструированных определений цивилизации, то есть полиса, или греческого города-государства, или Римской империи. Воплощение жизни в полисе составило идейную основу дихотомии «мы/они» в древнегреческом сознании. Структура этой идеологии, через которую греки понимали себя, постулировала инаковость как то, что не было греческим.

Самая ранняя известная письменная форма слова «варвар» является у Гомера в отношении карийцев, жителей западной Анатолии, которые не говорили по-гречески, но находились в длительных контактах с ионийскими греческими поселенцами в Азии. В «Илиаде» Гомер называет их «карийцы» *βαρβαρόφωνοι*, то есть *barbarophonoi* или «бар-бар-говорящие» (*Нот. II*, II, 867)¹. Эта ранняя форма *barbaroi* указывает на инаковость в самом базовом смысле; это не-греки, по крайней мере, в глазах Гомера и его аудитории. Однако также вполне возможно, что эллинское употребление приставки *βαρβαρ-* по отношению к иностранцам встречается раньше, чем у Гомера, и что гомеровский эпос был лишь первым (или одним из первых), зафиксировавшим ее использование. В любом случае *βαρβαρόφωνοι* представляет собой самое раннее известное греческое лингвистическое появление термина «варвары». Ко времени, когда Геродот писал свою «Историю»², слово *βάρβαρος*, или варвар, было обычным явлением в греческом языке в течение по крайней мере трех столетий [4]. Более того, оно представляло собой воображаемое пространство инаковости, связанное с не-греками за границей.

---

¹ Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. М.: Художественная литература, 1960. 436 с.

² Геродот. История в 9 книгах / пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Хотя внешне это выглядит как простая бинарная оппозиция «мы/они», «греки/варвары», структура гораздо сложнее и включает в себя комплекс исторического процесса греческой колонизации.

В период Великой греческой колонизации греки вступили в контакт с различными группами племен, которых они нашли совершенно другими. В большей степени, чем колонии Средиземного моря, колонии по всему Черноморскому региону открыли грекам доступ к культурам северных степей, чьи кочевые обычаи жизнеобеспечения резко контрастировали с аграрной полисной экономикой греков. З. Стурман предполагает, что греко-понтский колониализм даже привел к возникновению «антропологии» среди греческих мыслителей, таких как Геродот, из-за того простого, прагматичного факта, что греки наблюдали культурные модели, совершенно чуждые их собственным, и, следовательно, попытались разобраться в этих иностранных культурах [5]. Точно так же Дж. Скиннер отмечает греческую колонизацию как катализатор древних этнографических представлений, которые включали не только классическую этнографию Геродота, ионийского грека, но и богатство альтернативных выражений иностранной культуры с греческой точки зрения, таких как литературное и изобразительное искусство [6].

Во всяком случае, последовавшие за колонизацией отношения породили идеологию инаковости, которая была гораздо сложнее, чем простое структуралистское бинарное объяснение. Современные ученые традиционно интерпретируют греко-варварскую парадигму в терминах К. Леви-Стросса, в которых древние греки якобы понимали свою самоидентичность через определение того, кем они не были [7]. Например, Н. Деманд утверждает, что греки организовали свой известный мир в «противоположных категориях» (мужчина/женщина, гражданин / не гражданин, человек/животное, свободный/раб, грек/варвар), которые конституировали эллинскую самоидентичность через онтологические противоречия с варварскими иными идентичностями [8, р. 238]. Точно так же «один из способов определить, какими были греки, — это противопоставить их варварским характеристикам» [9, р. 49]. В структуралистском смысле оппозиция греков и варваров обозначает как положительный самоидентификатор греческого про-

исхождения, так и отрицательный «иной» идентификатор варварства [10].

Хотя бинарная структуралистская модель кажется достаточно удобной для любых исторических онтологических различий, ей не хватает глубины для решения такой сложной идеологической дилеммы. Историко-культурный контекст появления варвара как характеристики инаковости предполагает более глубокое погружение. С греческой точки зрения варвар представлял собой того, кто был полностью вне или за пределами полиса. Социальная структура полиса, кроме того, воплощала дихотомию греков и варваров посредством создания сдержанного категориального социального пространства взаимодействия граждан полиса и иностранных аутсайдеров [11].

Аристотель утверждал, что человек есть создание полиса и что все, что находилось за пределами полиса, либо «не дотягивало» до человека, либо превосходило его (*Politics* 1.1253a)¹. То есть существовало некое воображаемое пространство за пределами полиса, вплоть до границ известного мира (ойкумены), в котором греки помещали своих также воображаемых варваров.

Таким образом, цель статьи — показать, что устойчивая дихотомия «грек/варвар» не в полной мере отвечает реалиям греческой культурной идентичности, а представляет собой определенный шаблон в рамках структуралистских бинарных оппозиций. Для понимания процесса формирования эллинской идентичности предлагается рассмотреть аристотелевскую трихотомию «животное / человек / бог», которая более полно отражает процесс формирования самоидентификации древних греков, то, как греки представляли себе известный мир и окружающие народы в нем. Эта трихотомия позволяет включить процесс формирования представлений о самоидентификации в культурную историю древних греков, в большей степени мифологическую, чем реальную, при этом не исключая его из греческой космологии, о чем красноречиво свидетельствует так называемая «гиперборейская» идеология.

Научная новизна и значимость исследования заключается в том, что в статье предпринята попытка рассмотреть традиционную проблему для античной исторической мысли в контексте фи-

---

¹ Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. М.: АСТ: Астрель, 2012. 393 с.

лософской антропологии, то есть не с точки зрения социальных структур, порождающих инаковость, не с точки зрения устойчивой бинарной оппозиции «свой/чужой», а с точки зрения человека, помещенного в контекст культурных взаимоотношений с другим, иным. При этом этот другой — не всегда чужой, а скорее шаблон для самоидентификации, рефлексии над собственной самостью, попыткой поместить себя в окружающее культурное пространство. Данный подход лишает идеологию инаковости социального/культурного/этнического превосходства, помещая другого в синхронно-диахронный континуум собственной культурной истории.

Методы исследования, теоретическая база. Огромный массив исследований по греко-варварским взаимоотношениям условно можно разделить на два направления: исследования конкретных событий и явлений, возникших в ходе взаимодействия эллинов с иными народами, и работы, раскрывающие представления о варварах в структуре греческой картины мира. Именно последние послужили теоретической базой данного исследования. Среди отечественных авторов это работы И. Сурикова [12], Ю. В. Андреева [13], Л. П. Маринович [14], среди зарубежных — Р. Фейнберга [1], Э. Холл [15] и др.

Но практически все они рассматривают взаимоотношение греков и варваров как дихотомию, как поляризацию цивилизации и варварства, через призму взаимоотношений «свой / чужой» [16; 17]. Тем не менее суть вопроса фундаментально антропологична в том смысле, что она дает нам превосходный исторический пример конструирования инаковости.

«История» Геродота, пожалуй, больше, чем какой-либо другой источник, содержит самый богатый древний этнографический материал по варварским культурам. Некоторые ученые даже называли Геродота своего рода древним антропологом [5; 6]. Нарративы, которые вплетают культурную информацию в его более масштабный рассказ о греко-персидских войнах, иногда в кратких изложениях, иногда в пространных, подробных обзорах описывают культурное разнообразие древней границы греческого мира, а не «статичных» варваров, которые часто появляются в драме, вазописи и политической риторике современников Геродота.

В качестве основы трихотомии используются взгляды Аристотеля на человека как продукт полиса, изложенные в его «Полити-

ке» (*Polit.* 1.1253a): «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо (то есть животное), либо сверхчеловек (то есть бог). Данная трихотомия позволяет включить в процесс становления эллинской самоидентификации реалии и практики иных культур, контакт с которыми и привел в итоге к становлению греческой цивилизации.

Результаты исследования и их обсуждение. В эллинском мировоззрении полис был вершиной цивилизации. Это было застывшее воплощение абстрактного понятия номоса, которое можно обозначить как законы и обычаи полиса и которое могло олицетворять греческую концепцию культуры. Те, кто вне полиса, наоборот, были аномой, без законов и обычаев или, по крайней мере, «надлежащего» контекста для использования законов и обычаев. Номос в аристотелевских терминах означал человеческую самодостаточность. Людям вне полиса в этой системе мысли не хватало средств, чтобы жить естественно и в достаточной степени, как людям, и, следовательно, они понимались либо как животные, либо как боги. Эта трихотомия «животное/человек/бог», по сути, резюмирует то, как греки представляли себе известный мир. Инаковость была вне полиса в жизни человека и общества, которой либо недоставало внутренней добродетели, необходимой для жизни внутри эллинских номов, либо она обладала такой превосходной добродетелью, что боги благоволили ей. Животных можно было сдерживать только внутри полиса в виде рабов, богов — через ритуалы мистерий. В остальном эти социальные слоты были за гранью эллинского понимания, за исключением тех случаев, когда к ним обращаются в рамках социально предписанных полисом настроек. Ф. Хартог описывает границу между греками царства полиса и варварами за его пределами как «иное» пространство, социально недоступное или непонятное для греков [18, p. 61–62].

Идеологическая система, действовавшая в Древней Греции, постулировала свободу как природу греческого происхождения и рабства как природу варварства. В пятом веке Геродот (VI.9–11; VII.135) связывает деспотизм или политическую тиранию с персами. В этой системе мышления варвары, естественно, были склонны либо быть тиранами, либо управляться тиранами как рабы, в то время как греки должны естественно существовать в состоянии

свободы. Аристотель (*Polit.* 1255a 2–3) и Платон продвигали теории о связи между варварством и рабством. Платон, например, утверждает, что греки должны поработать варваров, а не греков, чтобы поддерживать стойкое разделение между греками и варварами (*Resp.* 469b-c)¹. В понимании греков, грек в состоянии рабства точно так же находится в состоянии варварства. Другими словами, греческий раб ничем не лучше свободного варвара. Рабы внутри греческих полисов давали конкретные примеры природы варварства, которую граждане могли понимать с точки зрения эллинской идеологии рабства и варварства.

Эта концепция согласуется с идеологией полиса. Вне номоса полиса в греческом мировоззрении варвары жили вне границ человеческой свободы, были рабами звериных appetites и тиранических военачальников. Стереотипы, связанные с этой «звериной» категорией варварства, характеризовали, как греки относились к народам на своей границе и от кого они получали большинство своих рабов, то есть к тем народам, с которыми они непосредственно соприкасались во время экономических и культурных контактов. Далеко от границы и в туманных неведомых землях варвары становятся уже более или менее фантастическими (например, гипербореи) и классифицируются иначе, чем материальные культуры, поставившие рабов в Средиземноморье.

Несмотря на присущие идеологиям варварства и рабства противоречия, вместе они действовали как удобное, многогранное средство обоснования построения полисного общества.

Таким образом, институт рабства в эллинском мире был, по существу, воплощением греко-варварской идеологии. С практической точки зрения рабство принесло настоящих иностранцев в повседневную жизнь греков, живущих в полисе, и социальные отношения между свободными греками и рабами-варварами действовали в рамках идеологии категорической инаковости. Различные формы греческих «средств массовой информации» (например, драма, произведения искусства, литература) увековечили варварскую инаковость и испытали формальную идеологию в материальном мире лиминального пространства между свободным и рабом.

---

¹ Платон. Государство / пер. А. Н. Егунов. М.: Азбука, 2022. 480 с.

Если оставить в стороне этноцентризм, или, точнее, полицентризм греков, полис как социально-экономическая единица обладал большой культурной гегемонией в древнем мире, особенно в греческих колониях Причерноморья. Другими словами, греко-варварская парадигма одновременно возникла в контексте колонизации и увековечила чувство греческого превосходства над коренным населением, которое греки эксплуатировали как в экономическом, так и в культурном отношении: в качестве людей, превосходящих зверей, за исключением благочестивых гиперборейцев. Таким образом, система рабства выросла вокруг потока в средиземноморский мир туземных северян с большим количеством других северных товаров, среди которых проданные люди были лишь сырьем. В качестве конкретной разновидности средиземноморского рабства эллинский институт рабства развился вокруг идеи о том, что варвары могли интегрироваться в полисную систему только через институт рабства.

В то же время варвар воплощал в себе греческие представления о культурной эволюции и собственное мифическое прошлое греков. В варварских землях звероподобные и богоподобные варвары символизировали прошедшие этапы мифологического этногенеза эллинов. Поэт Гесиод резюмирует мифологическую историю греков в «Трудах и днях» (109–201)¹. Род человеческий проходит через череду веков от первобытного рая в золотой век через невзгоды и труды серебряного, бронзового и героического веков. Каждый период цикла стремится к эсхатологической культурной вершине до появления греческого полиса в железном веке, эпохе, измученной собственной борьбой, но стремящейся к циклическому возвращению к добродетели золотого века. Как греки понимали свое собственное прошлое, так же они интерпретировали и чужие культуры как находящиеся на разных стадиях этого исторического прогресса, очень похожего на более современную эволюционную теорию Моргана, Тайлора, Фрейзера и др.

Дж. С. Ромм полагает, что эллинская онтология переплетала мифологическое с географическими, политическими и экономическими идеями полиса [19]. В результате греки представляли себе мир, разделенный на концентрические круговые зоны, исходящие

---

¹ Гесиод. Полное собрание текстов / вступ. ст. В. Н. Ярхо; комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.

наружу от Эллады к реке Океану, которая окружала землю. Древние греки воображали, что области за пределами их мира становились примитивнее по мере удаления от центра. В этом контексте древние греки представляли себе, что люди, не являющиеся непосредственно частью их культурной системы, более примитивны или проходили стадии культурного развития, которые, по мнению греков, они сами уже прошли. Таким образом, география воспроизводила древнюю версию *культурной эволюции* (*курсив наш.* — Ю. О.) греческого сознания. Геродот сообщает, что скифы «самые молодые из всех народов», по их собственному утверждению (*Hdt.* 4.5). Под «самыми молодыми» Геродот подразумевает, что они находятся на ранней, примитивной стадии развития культурной эволюции, хотя, возможно, Геродот отвергает поэтическую парадигму благородного дикаря в пользу эмпирического наблюдения, исторической критики и натурфилософии. Естественно, значения и идеи эллинской культуры сформировали это представление об обитаемом, известном мире и древнем возникновении «примитивизма» [20].

Центром или «пупом» известного мира, местом, пропитанным традициями культовых мистерий, были Дельфы (*Plutarch De defectu orac.* 1.1; *Strabo* 9.3.6)¹. Вдали от Дельф можно было найти греческий мир городов-государств, таких как Афины, Спарта, Коринф и другие, все граждане которых посетили Оракула в Дельфах в соответствии с общей эллинской традицией. По мере того как греки путешествовали дальше на север, они столкнулись с фессалийцами и македонянами, которые временами больше походили на варваров на севере, чем на греков на юге, но могли также олицетворять греческие представления о героической Микенской эпохе. За пределами Эллады и в северных землях варваров можно встретить варварские группы, которые были обычным явлением в греческих преданиях и в повседневной жизни многих жителей полиса. Эти группы включали скифов, фракийцев, даков, киммерийцев, фригийцев и многие другие народы Анатолии и Черноморского региона. Более того, их воинственные обычаи и история, особенно их роль в греко-персидских войнах, могут указывать на место в мифическом бронзовом веке или, возможно, на продолжение

---

¹ Плутарх. Моралии. Харьков: Фолио, 1999. 1119 с.; Страбон. География / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

героического века в Гесиодовой онтологии — мифическая схема, которая, естественно, не точно соответствует действительности.

Греки торговали с этими народами, и многие из них часто появлялись в полисе как рабы. Таким образом, эти варвары представляли для греков довольно обыденное зрелище и, следовательно, узнаваемый шаблон, с помощью которого поэты, историки, драматурги, художники, скульпторы характеризовали варварство. На самом деле скифская фигура в штанах, высокой фетровой шляпе, с луком и колчаном служила образцом для греческих изображений многих других варваров, в том числе персов. Греческие герои прежних эпох, будь то Одиссей или Геракл, также кажутся «немножко варварами», особенно в использовании лука — навыка, которым древние греки пользовались редко и который они считали примитивным. В некотором смысле шаблон, примененный к этим греческим героям, отражает тот же эллинский взгляд на историю и культурную эволюцию.

Но за пределами пограничной зоны историческая и этнографическая реальность смешивается с фантастикой. И здесь уже сложно говорить о традиционной идеологии варварства, которая сформировалась внутри полиса и на его границах. В эллинском мировоззрении чем ближе человек путешествует к краям обитаемой земли, ойкумены, тем фантастичнее и мифичнее становятся обитатели тех земель и тем ближе путник подходит к началу человеческой истории. Здесь элементы зверей-варваров и богов-варваров становятся все более очевидными и они населяют, в греческом сознании, мифический культурный этап золотого и серебряного веков, время добродетельного рая и время после «падения» от милости богов. Варвары на окраинах мира также выглядят гипертрофированно. Геродот описывает ряд народов, которые дрейфуют в пограничном пространстве между фактом и вымыслом. Невры, например, слыли оборотнями, они бежали со своей земли на север из-за нашествия змей. Хотя Геродот сомневается в достоверности этой истории, он поддерживает верность этнографу в том, чтобы дать голос другому варвару и включить его в историю (*Hdt.* 4.105). Помимо ликантропического поведения невров, которое привело к скептицизму Геродота, историк описывает этих людей как сходных по обычаям с их скифскими соседями. Можно интерпретировать рассказ о неврах у Геродота как свидетельство о непонимании греками исконных степных тотемных мифов о

первобытном волке и змеиных конфликтах. В любом случае трансчеловеческая/животная лиминальность невров является репрезентативной животной или зверской характеристикой варварства, отмеченной Аристотелем. Этот мотив варварства проявляется и в других формах, таких как Кентавр, чье естественное положение между человеком и лошастью мифологизировало склонность кочевников к верховой езде [21].

Другие группы, упоминаемые Геродотом (4.22-4), включают фиссагетов и иирков, описания которых, возможно, обозначают их как группы охотников-собирателей. Фиссагеты и иирки, по словам Геродота, «живут охотой», и он подробно излагает их особую тактику охоты в густой тайге, искусство владения лошадьми и собаками и мастерство стрельбы из лука (*Hdt.* 4.22).

На самом дальнем конце северной части воображаемого пространства жили гиперборейцы, представлявшие первоначальный золотой век человеческой истории в греческом мировоззрении, тип романтизма или примитивизма, который сохранился в европейской мысли и в настоящее время [20; 19]. По общему мнению, гиперборейцы воплощали счастье, справедливость и примитивную добродетель. Действительно, древние греки считали гиперборейцев самыми добродетельными и священными из всего человечества, самыми близкими к богам, но также и к первобытному хаосу Океана. Неудивительно, что эти мифические люди заняли почетное место в греческом языке, мифологии и культовой религиозной традиции как духи-проводники в культе Аполлона и других богов.

Дж. Ромм [19, p. 47] считает, что греческие источники о гиперборейцах и других варварах, реальных или воображаемых, часто являются «обратным этноцентризмом», цель которых заключается не в том, чтобы представить точную этнографию, а в том, чтобы перевернуть этноцентризм греков на самих себя. Другими словами, описание других, а именно варварских культур, служит критике собственной культуры древнего этнографа. Римский историк Тацит, например, использовал этнографические отрывки о германских варварских племенах, чтобы критиковать римскую культуру.

туру в противопоставлении пренебрежения германцев к золоту и серебру (*Tac. Ger. 5*)¹.

Некоторые отрывки, исторические или нет, предназначались для того, чтобы подчеркнуть парадоксы греческой культуры изнутри. Варвар временами служил зеркалом, с помощью которого художники и писатели могли представить своему эллинскому обществу хорошо замаскированную критику. Так и гиперборейцы, не застрахованные от парадоксальных мотивов греческих писателей и художников, стали сложным и загадочным шаблоном для и без того парадоксальной категории инаковости.

Эти мифические появления благородных дикарей гиперборейского золотого века были частью греческого представления о космосе, удаленном как географически, так и хронологически, но также были священным и могущественным пространством. Поэтому фигура варвара в греческом сознании (изображенная на глиняной посуде, в поэзии, драме) вдохновляла на исследование северных и восточных границ через символические связи с героическими и мифическими путешествиями греков в прошлом. В этом идеологическом ключе варварство приравнивается к греческому золотому веку и расположено на краю земли, *eschatiai*, населенной в первую очередь гиперборейцами. Эта идеология, которую можно условно назвать «гиперборейством», создала шаблон варварства, через которое коренные северяне, считавшиеся близкими богам и гармонирующими с Геей (то есть Матерью-Землей или Природой), служили источником мудрости для ученых греков.

У Платона и более поздних европейских мыслителей на пороге великих географических открытий гиперборейцы существовали уже практически как выдуманнные парадигмы, как воображаемые темы для этических, социальных и политических дискуссий [19]. Геродот критически относился к такому воображаемому пространству или, по крайней мере, производит такое впечатление. Он позволял варварским культурам показать их разнообразие, сильные и слабые стороны, многообразные добродетели и пороки. Геродот в какой-то степени был древним «культурным эволюционистом», но ему нужны были доказательства того, что гипербо-

---

¹ Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения / пер. А. С. Бобовича. Л.: Наука, 1969. 443 с.

рейцы существовали еще до того, как он стал описывать чужую культуру в терминах золотого века.

Следовательно, поляризация инаковости в греческом самознании — сложный, многогранный процесс, который усложняется по мере отдаления от центра ойкумены к ее границам. На периферии древнегреческого мира бинарные оппозиции «мы/они», «греки/варвары» уже не отражают всей полноты представлений об иных культурах, которые греки явно или опосредованно пытаются включить в свой собственный культурный контекст, в свою собственную культурную эволюцию.

Заключение. Таким образом, в результате взаимодействия греков с другими культурами возникли многовариантные модели варварства — общее ощущение инаковости других культур, но инаковости более подвижной, чем она представляется в бинарной структуралистской оппозиции «мы/они». Эллины могли одновременно рассматривать коренные народы, живущие на границах ойкумены как в смысле животного порока, так и в смысле первобытной праведности. Более того, представление эллинов о своих географических и культурных границах было организовано по шаблонам — тенденция примитивизма, которая, по мнению многих исследователей [19; 20; 22], сохранилась у средневековых и современных европейских авторов. Варвар как шаблон для характеристики инаковости использовался в реальном этнографическом материале и в этноцентрической полисной идеологии для построения фронта как социального пространства, так и экономического и культурного для разделения между греками и варварами, цивилизацией и кочевниками, зверями и богами. Колонизация Причерноморья стала катализатором роста представлений об инаковости и процветания работорговли. Греко-персидские войны завершили этот процесс и перенесли его из области этнографии и антропологии в идеологическую плоскость, где благодаря драме, театру, скульптуре и живописи варвар окончательно стал застывшим шаблоном, потерявшим возможность восприниматься в качестве полярных характеристик полисного человека, и окончательно стал «другим».

Список источников

1. Feinberg R. Contested Worlds: The Politics of Culture and the Politics of Anthropology // *Anthropology and Humanism*. 1994. № 19 (1). Pp. 20–35.
2. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А. Б. Островского. М.: Академический проект, 2008. 520 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. Шубина М. М. Изучение происхождения и сущности греческой концепции варварства в современной историографии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 2–2 (8). С. 200–202.
5. Stuurman S. Herodotus and Sima Qian: History and the Anthropological Turn in Ancient Greece and Han China // *Journal of World History*. 2008. № 19 (1). Pp. 1–40.
6. Skinner J. E. *The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus*. New York: Oxford University Press, 2012. 343 p.
7. Hunt P. *Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians*. New York: Cambridge University Press, 1998. 264 p.
8. Demand N. *A History of Ancient Greece in its Mediterranean Context*. 2nd ed. Cornwall-on Hudson, NY: Sloan Publishing, 2006. 411 p.
9. *Ancient Greeks East & West* / ed. G. R. Tsetschkladze. Leiden, Netherlands: Brill, 1999. 623 p.
10. Безруков А. В., Шайдулин В. Античный мир и варвары: внутренние и внешние этапы и специфика. Причины формирования эллинской национальной идентичности по данным античной письменной традиции // *Polish Journal of Science*. 2018. № 10 (2). С. 16–18.
11. Суриков И. Е. Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация — варварство» в античной Греции // *Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт*. М., 2012. С. 47–66.
12. Суриков И. Е. О некоторых современных концепциях греко-варварских взаимоотношений // *Цивилизация и варварство*. 2014. № 3. С. 41–74.
13. Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // *Вестник древней истории*. 1996. № 1. С. 3–17.
14. Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Античная цивилизация и варвары*. М.: Наука, 2006. С. 5–29.
15. Hall E. *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 277 p.

16. Савостина Е. А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир : (материалы III археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Т. 2. С. 157–169.
17. Карпунина Н. А. Некоторые аспекты греко-варварской оппозиции в контексте Афинской идеологии V в до н.э. // Новый Гермес. 2018. № 10. С. 30–44.
18. Hartog F. *The Mirror of Herodotus: the Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California Press, 1988. 386 p.
19. Romm James S. *The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 228 p.
20. Lovejoy A. O., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. New York: Octagon Books, 1965. 482 p.
21. Tarbell Frank B. *Centauiromachy and Amazonomachy in Greek Art: the Reasons for their Popularity* // *American Journal of Archaeology*. 1920. № 24(3). Pp. 226–231.
22. Levin H. *The Myth of the Golden Age in the Renaissance*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1969. 231 p.

References

1. Feinberg R. *Contested Worlds: The Politics of Culture and the Politics of Anthropology*. *Anthropology and Humanism*, 1994, no 19 (1), pp. 20–35.
2. Levi-Stros K. *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism today. Untamed Thought] / per. s fr. A. B. Ostrovskogo. Moscow: Akademieskij Proekt, 2008. 520 p. (In Russ.)
3. Hajdegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time] / per. [s nem. i primech.] V. V. Bibihina. Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p. (In Russ.)
4. Shubina M. M. Study of the origin and essence of the Greek concept of barbarism in modern historiography. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2011, no 2–2 (8), pp. 200–202. (In Russ.)
5. Stuurman S. Herodotus and Sima Qian: History and the Anthropological Turn in Ancient Greece and Han China. *Journal of World History*, 2008, no 19 (1), pp. 1–40.
6. Skinner J. E. *The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus*. New York: Oxford University Press, 2012. 343 p.
7. Hunt P. *Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians*. New York: Cambridge University Press, 1998. 264 p.
8. Demand N. *A History of Ancient Greece in its Mediterranean Context*. 2nd ed. Cornwall-on Hudson, NY: Sloan Publishing, 2006. 411 p.

9. *Ancient Greeks East & West* / ed. G. R. Tsetskhladze. Leiden, Netherlands: Brill, 1999. 623 p.

10. Bezrukov A.V., Shajdulin V. The ancient world and the barbarians: internal and external stages and specificity. Reasons for the formation of the Hellenic national identity according to the ancient written tradition. *Polish Journal of Science*, 2018, no 10 (2), pp. 16–18. (In Russ.)

11. Surikov I. E. The role of the category of the policy in the formation of the dichotomy "civilization-barbarism" in ancient Greece. *Civilizaciya i varvarstvo: Transformaciya ponyatij i regional'nyj opyt* [Civilization and barbarism: Transformation of concepts and regional experience]. Moscow, 2012, pp. 47–66. (In Russ.)

12. Surikov I. E. O On some modern concepts of Greek-barbarian relationships. *Civilizaciya i varvarstvo* [Civilization and barbarism], 2014, no 3, pp. 41–74. (In Russ.)

13. Andreev Yu. V. Greeks and barbarians in the Northern Black Sea region (Main methodological and theoretical aspects of the problem of interethnic contacts). *Vestnik Drevnej Istorii* [Bulletin of Ancient History], 1996, no 1, pp. 3–17. (In Russ.)

14. Marinovich L. P. The emergence and evolution of the doctrine of the superiority of the Greeks over the barbarians. *Antichnaya civilizaciya i varvary* [Ancient civilization and barbarians]. Moscow: Nauka, 2006, pp. 5–29. (In Russ.)

15. Hall E. *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 277 p.

16. Savostina E. A. Antiquity and barbarians: the possibility of comparing cultures. *Antichnaya civilizaciya i varvarskij mir : (materialy III arheologicheskogo seminara)* [Antique civilization and the barbarian world (Materials of the III archaeological seminar)]. Novocherkassk, 1993. Vol. 2, pp. 157–169. (In Russ.)

17. Karpunina N. A. Some aspects of the Greek-barbarian opposition in the context of the Athenian ideology of the 5th century BC. *Novyj Germes* [New Hermes], 2018, no 10, pp. 30–44. (In Russ.)

18. Hartog F. *The Mirror of Herodotus: the Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California Press, 1988. 386 p.

19. Romm James S. *The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 228 p.

20. Lovejoy A. O., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. New York: Octagon Books, 1965. 482 p.

21. Tarbell Frank B. Centauromachy and Amazonomachy in Greek Art: the Reasons for their Popularity. *American Journal of Archaeology*, 1920, № 24 (3), pp. 226–231.

22. Levin H. *The Myth of the Golden Age in the Renaissance*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1969. 231 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Обидина Юлия Сергеевна

Yulia S. Obidina

д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ННГУ) им. Н. И. Лобачевского

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Socio-Political Communications Department of Institute of International Relations and World History of Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod

603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

23 Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

14.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

26.04.2023